

**Г**ОВОРИТЬ по совести, эти заметки должны были появиться раньше: я приезжал к нашим актерам в Южно-Сахалинск в двадцать числах июня. За это время они успели вернуться в дом и отправиться к рыбачкам в Южно-Курильское промышленно-аэродромно-промысловое предприятие. Но так уж получилось: свой авторский долг я сумел исполнить только сейчас, утешаясь спасительной поговоркой: «Лучше поздно, чем никогда».

В гостищу «Сахалин» я приехал из аэропорта в первом часу ночи. Первыми, кого увидел в холле, были Майя Степановна Соловьева и Людья Александровна Восточина. У Майи Степановны руки полны сирени, будто сюда, в холл, она сошла прямо с подмостков, где благодарный зритель одарил ее нежно-ароматными ветками.

Меня тут же забросали вопросами: «А как там в Петропавловске? Как погода? Мы здесь мерзли, а в последнее время жара — успели натереть... И вообще все складывается хорошо».

И дальше, без перехода: «Только что вернулись из Холмска. Были с выездным спектаклем».

— Об... — это Людья Александровна — такая дорогая! По таким горам и все витамин, витамин!

— А как принимали?

— Не жалуюсь. — это Майя Степановна. — Хорошо. И в Холмске хорошо принимаю и здесь, в Южно-Сахалинске. В общем, златая все узнаете.

На завтра первое интервью — с главным режиссером театра Феликсом Тимофеевичем Демьянченко. За день до моего приезда он вернулся из Омска, куда вместе с директором театра Г. И. Горничковым делал на выездное заседание комиссии Министерства культуры РСФСР по рассмотрению и утверждению репертуара театров.

— Удачно слетали?

— Все, что театр планировал на предстоящий сезон, комиссия утвердила. К XXVI съезду партии будут поставлены спектакли по пьесе Евгения Габриловича «Коммунист». На классику — «Поща» Лескова, «Идиот» Достоевского, «Недоросль» Фонвизина, «Мария Тюдор» Виктора Гюго. Утверждены постановки пьес Эммы Брагинской «Игра воображения», Владимира Тендрякова «Расплата», Георгия Поротова «Потерянный праздник».

— Это — будущее. А как оцениваете гастроли?

— Главное, что мне видится, — гастроль деловые. Нет того, что называют тряской на ухабах. Спектакли, как правило, идут по плану — и в самом Южно-Сахалинске, и на выездах. Наш театр едет пятый раз. Те, кто приезжал сюда раньше, говорят, что встречали тогда заплохо. Но между нынешним приездом и прошлым — это поначалу сказалось. На первом спектакле к нам можно сказать, приглядывались. Но после того, как посмотрели «Шелон», «Марию Стюарт», «Мещанина во дворянстве», «Стекланный зверинец», пошли к нам с полным доверием.

— Лично мне, — продол-

жает главный режиссер, — театр выполнял план по всем показателям! Подразвляло всех работников театра! Спасибо всем! Так дружить! Горничков».

План за десять дней до окончания гастрелей — это, конечно, идеализм. Подразвляло духотера, но он пытался выказать скромность (хотя, где там! — глава светлая торжественно), говорит, что план — дело прошлое. И уже в кабинете с неоторгой охоткой северного холостяка добавляет: «Как раз я эту минуту наш финансист подводит очередной итог».

— И эти гастрели, — говорит под конец Феликс Тимофеевич, — и работу над ре-

пертуаром нового сезона мы рассматриваем с точки зрения предстоящих в 1982 году гастрелей театра в Москву.

Позже слова гляного режиссера о моральной атмосфере сахалинских гастрелей, о хороших контактах с артистами подтверждали многие актеры, с которыми я разговаривал.

Галина Васильевна Астраханкина, участница всех поездок театра на Сахалин:

Мы и раньше не жаловались на шум, а вышло даже при сумасшедшей пагубе чувствовать себя как на празднике. Что, на мой взгляд, никак — молодцы, работает с подъемом. Таяя Прокопьева, Вадим Леонтьев, Василий Сорokin — для них это первое испытание чужой площадкой.

После мне говорили: артисты Елена Бурляк, Юрий Михайлов, Татьяна Титова, Юрий Стрельников хотя уже и бывали прежде в гастрольных поездках, но в составе камчатской труппы временно покинули домашние стены точно впервые.

Владимир Грачев на Сахалине четвертый раз. Его главное впечатлительное: интерес к нашему театру возрос.

Владимир Степков и Олег Барглюков, не соображаясь, сошлись на мнении: нагрузка, конечно, великовата, но настроение деловое, зрительский прием и общее желание работать в полную силу. Здесь, на гастрольях, есть и то, и другое.

У директора театра Георгия Ивановича Горничкова заботы организаторские и финансовые. Перед тем, как ответить на вопросы, он поводит меня в длинный служебный коридор, где на доске с объявленными о репетициях и выездных спектаклях висела записанная сочным фломастером «могила»: «Сегодня, 20 июня, спектакль «Мещанин во дворянстве»

снова увлекает меня в коридор, где висит позавчерашняя «могила». Бе меняют на новую: «Обязательство выполнено!». Забыла на короткое время о мрачных коридорах, которые в тот момент разворачивались на сцене, возле «могины» собралось, подразвляло друга друга, актеры, которым другая пауча невед омерзительным выходом к зрителю.

В тот вечер давали четвертое на этих гастрелях представление «Мария Стюарт». Пшну «на эти» потому, что спектакль, поставленный Г. Нисемером по драме Фридриха Шиллера, наши актеры привозят в Южно-Сахалинск третий раз. Побавлялись (чуть-чуть побавались), что публики будет с небобором — в те периоды «Мария Стюарт» шла с аншлагами, вроде бы на смотрелось. Но вышло как нельзя лучше. Три представления дали полный сбор, то же самое могло быть и в четвертом, но получилось так, что планировалась другая спектакль, а когда по некоторым причинам его перенесли на другой раз, оставались слишком мало времени на то, чтобы широко оповестить о представлении «Мария Стюарт». Впрочем, малое рано не было полезным, актеры играли с подъемом, и принимали их хорошо. Было много сирени, ослепительно ярких гладкоцветов. И много анюдемисов. Меня искренне порадовала высокая зрительская культура сахалинцев. Ничто ни с кем не порешилось, ни в полостях, ни обертками ни конфет. Благоухающая тишина. У нас дома этой тишины на спектаклях хватает нам не всегда.

В служебном коридоре, у окна, раскрытого в светлую вечернюю тишину, разговаривала с «королевкой Марией». За оном невероятной пышнкой для камчатского класса сверху, где топили перемеланы с дровяными неведомых мне названий. На фолке этой зеленой роскони Елиза Ульбина, в изящно, строгим одеянии Марии, на митинге представляется мне, ставляет перед оном шотландского замка, — одиноким и подвешенной маршиком предчужеными.

Надо отогнать наваждение — перерывы между выходящими актрисами по сцену короткие, а я должен спросить — Простите, вас еще не казнили?

— А вам не терпится?

— Ради бога! Сам пойду на казнь, но сначала скажите: который раз вы играете в этом спектакле?

Интерес не праздный. Так же, как Г. В. Астраханкина и М. С. Соловьева, Елена Ульябина вошла в актерский ансамбль «Мария Стюарт» сего дня в первый раз. Однако она вела роль, продавая служанку Марии — Анну. Но, как известно, на реальных подмостках нет ничего невозможного. И Ульябина-служанка становится королевой.

— Знаете, — говорит актриса, — можете поздравить меня со своеобразным юбилеем. Сегодня я играю сто тринадцатый раз.

Снова мысленно обратился к черде представлений спектакля-долгожителя, поаторила твердо:

— Да, сто тринадцатое.

И заспешла к роковому финалу, ожидавшему ее героиню. Я видел его из зала, куда вошел после разговора с актрисой. И признаться, забыл, что вошел с единственной целью: еще и еще раз понаблюдать за зрительской реакцией. Или я лавино не видел «Мария Стюарт» и поэтому воспринимал игру наших актеров как открытие нечто, что было всегда, но стало забываться, или в тот сахалинский вечер всех занятых в спектакле подхватила бы общая волна вдохновения, и оттого игра была ярче, впечатляющей. Далекая эпоха, трагедия. На каждом шагу актера подстергала соблазна блеснуть театральностью. Но нет: даже в высшей точке кипения страстей ничто не нарушило гармоничности спектакля. Елена Ульябина, Анна Савельева, Василия Красного, Анатолий Кузнецов, Олег Вазюков, Владислав Болославский — каждый из этих актеров прошел заключительные сцены с тем профессиональным достоинством, за которым удаиваются и сценический опыт, и серьезная без скидок творческая работа между спектаклями.

Но что говорят зрители? Оставаляю выходящих из зала: «Извините — корреспондент «Камчатской правды»! Первый высказал свое мнение Л. К. Аркашов. Он живет в Охе, в Южно-Сахалинске приехал в командировку и «Мария Стюарт» первый спектакль, за который он пошел «Впечатление восприняло. Смелый размах».

Инженер управления материально-технического снабжения Л. М. Рыбка и есмуж Алексей Сергеевич — сварщик тепловозного ремонтного завода: «В целом понравилось. Но это пока первый спектакль, который мы видели. Билеты вылетели на спектакль «Как долго ты шел».

В зрительском зале лежало не успевших уйти двух симпатичных женщин. Одна молодая, другая — в годах. Это З. Иванова и А. В. Зелеская. Обе работают в торговле. Вместе смотрели «Старый дом» и «Как долго ты шел». «Мария Стюарт» — третий спектакль.

— Ваше мнение?

— Очень довольны, — отвечает дуэтом.

— Искренне?..

— Да, что же мы... — обе смотрят с упреком. Но потом с улыбкой: «Артистичность, декорации, музыкальное оформление — ничего польза выдольти. У нас сильный женский состав».

— В следующем воспринесем пойдем смотреть «Морозко», — добавляет от себя А. В. Зелеская. — Моя дочь двенадцати холдит.

Слушая мимолетные моих собеседников, я, конечно, не забывала: корреспонденту, который, подобно актерам, имеет камчатскую прописку, говорят, возможно, не все, что бы не огорчать придриками. Но в искренности того, что говорилось, я и теперь, спустя время, ни капли не сомневаюсь.

# В ГОСТЯХ, КАК ДОМА

Заметки о гастрелях Камчатского облдрамтеатра на Сахалине

**М**Ы И РАНИШЕ не жаловались на шум, а вышло даже при сумасшедшей пагубе чувствовать себя как на празднике. Что, на мой взгляд, никак — молодцы, работает с подъемом. Таяя Прокопьева, Вадим Леонтьев, Василий Сорokin — для них это первое испытание чужой площадкой.

После мне говорили: артисты Елена Бурляк, Юрий Михайлов, Татьяна Титова, Юрий Стрельников хотя уже и бывали прежде в гастрольных поездках, но в составе камчатской труппы временно покинули домашние стены точно впервые.

Владимир Грачев на Сахалине четвертый раз. Его главное впечатлительное: интерес к нашему театру возрос.

Владимир Степков и Олег Барглюков, не соображаясь, сошлись на мнении: нагрузка, конечно, великовата, но настроение деловое, зрительский прием и общее желание работать в полную силу. Здесь, на гастрольях, есть и то, и другое.

У директора театра Георгия Ивановича Горничкова заботы организаторские и финансовые. Перед тем, как ответить на вопросы, он поводит меня в длинный служебный коридор, где на доске с объявленными о репетициях и выездных спектаклях висела записанная сочным фломастером «могила»: «Сегодня, 20 июня, спектакль «Мещанин во дворянстве»

снова увлекает меня в коридор, где висит позавчерашняя «могила». Бе меняют на новую: «Обязательство выполнено!». Забыла на короткое время о мрачных коридорах, которые в тот момент разворачивались на сцене, возле «могины» собралось, подразвляло друга друга, актеры, которым другая пауча невед омерзительным выходом к зрителю.

В тот вечер давали четвертое на этих гастрелях представление «Мария Стюарт». Пшну «на эти» потому, что спектакль, поставленный Г. Нисемером по драме Фридриха Шиллера, наши актеры привозят в Южно-Сахалинск третий раз. Побавлялись (чуть-чуть побавались), что публики будет с небобором — в те периоды «Мария Стюарт» шла с аншлагами, вроде бы на смотрелось. Но вышло как нельзя лучше. Три представления дали полный сбор, то же самое могло быть и в четвертом, но получилось так, что планировалась другая спектакль, а когда по некоторым причинам его перенесли на другой раз, оставались слишком мало времени на то, чтобы широко оповестить о представлении «Мария Стюарт». Впрочем, малое рано не было полезным, актеры играли с подъемом, и принимали их хорошо. Было много сирени, ослепительно ярких гладкоцветов. И много анюдемисов. Меня искренне порадовала высокая зрительская культура сахалинцев. Ничто ни с кем не порешилось, ни в полостях, ни обертками ни конфет. Благоухающая тишина. У нас дома этой тишины на спектаклях хватает нам не всегда.

В служебном коридоре, у окна, раскрытого в светлую вечернюю тишину, разговаривала с «королевкой Марией». За оном невероятной пышнкой для камчатского класса сверху, где топили перемеланы с дровяными неведомых мне названий. На фолке этой зеленой роскони Елиза Ульбина, в изящно, строгим одеянии Марии, на митинге представляется мне, ставляет перед оном шотландского замка, — одиноким и подвешенной маршиком предчужеными.

Надо отогнать наваждение — перерывы между выходящими актрисами по сцену короткие, а я должен спросить — Простите, вас еще не казнили?

— А вам не терпится?

— Ради бога! Сам пойду на казнь, но сначала скажите: который раз вы играете в этом спектакле?

Интерес не праздный. Так же, как Г. В. Астраханкина и М. С. Соловьева, Елена Ульябина вошла в актерский ансамбль «Мария Стюарт» сего дня в первый раз. Однако она вела роль, продавая служанку Марии — Анну. Но, как известно, на реальных подмостках нет ничего невозможного. И Ульябина-служанка становится королевой.

— Знаете, — говорит актриса, — можете поздравить меня со своеобразным юбилеем. Сегодня я играю сто тринадцатый раз.

Снова мысленно обратился к черде представлений спектакля-долгожителя, поаторила твердо:

— Да, сто тринадцатое.